

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ПОИСК ЗАВЕРШЕН

18 июля 1968 года мы объявили читательский поиск: опубликовав снимок танка «Владимир Маяковский» и его экипажа, газета просила читателей рассказать о боевом пути машины, о судьбах запечатленных на фотографии танкистов.

Участнику Великой Отечественной войны полковнику в отставке Д. Борисову удалось по архивам, воспоминаниям, документам восстановить историю танка. Большую помощь в этом ему оказали директор Государственного музея В. В. Маяковского Н. Городецкая и заведующий сектором Г. Лисин. И вот на редакционный стол легла рукопись и пачка фотографий.

ПОИСК начался с письма известного артиста-чтеца Владимира Яхонтова И. В. Стальну:

«Пропусти Ваши призывы от меня 165 тысяч рублей, собранными мною от выступлений в концертах на Урале, на постройку танка, который разрешите назвать «Владимир Маяковский». Просу Вышего согласия танк «Владимир Маяковский» направить войскам Маршала Советского Союза тов. Рокоссовского».

Потом — письмо статс-секретаря Каляжного с Магнитогорска: «Отвечая на просьбу тов. Яхонтова, я беру на себя обязательство выдать в виде сверх плана 150 тонн доб-

Яхонтов у танка «Владимир Маяковский» читает стихи проверяющий поэта.

ординации из металлических. Последние выстроили танк для по реихстагу.

Вот, казалось бы, и все, что удалось отыскать. И другой директор музея привнес из архива стеклограмму встречи 10 сентября 1945 года с экипажем «Владимира Маяковского» — командиром танка гвардии старшим лейтенантом Владимировым Константином Константиновичем Заслоновым, гвардии сержантом Анатолием Чемозовым, звездочетом Хайдуровым, радиостроителем гвардии сержантом Ильином Быковым, механиком-водителем гвардии сержантом Ильином Пятаком. Они рассказывали о том, как торжественно под звуки оркестра была вручена знамя новой боевой машины, как замолкли рассказы им о великом посте. Рассказали о том, как в одночасье боя «Маяковский» уничтожил две душки танки и 150 солдат и офицеров противника.

И еще одно письмо полковника Беленко, уже датированное 4 июля 1945 года. Он сообщал, что танк прошел славный боевой путь от Магнитогорского плацдарма до Берлина. Общее противление боевого пути — 1900 км без аварий и поломок. Командир танка гвардии лейтенант Латышев награжден орденом Отечественной войны II степени, а весь экипаж —

Служба «Владимир Маяковский»

в роте танков и бронемашин 5-го гвардейского отдельного Десантно-Партизанского ордена Кутузова и Александра Невского полка. Но, постыдно, а где же эвакуированный первый начальник гвардии лейтенант Латышев? Оказывается, Юрий Латышев к концу войны был уже командиром роты бронебойных танков, а также гвардии сержантом Анатолием Чемозовым, звездочетом Хайдуровым, радиостроителем гвардии сержантом Ильином Быковым, механиком-водителем гвардии сержантом Ильином Пятаком. Они рассказывали о том, как торжественно под звуки оркестра была вручена знамя новой боевой машины, как замолкли рассказы им о великом посте. Рассказали о том, как в одночасье боя «Маяковский» уничтожил две душки танки и 150 солдат и офицеров противника.

Так вошел Владимир Маяковский.

Д. БОРИСОВ,
полковник в отставке.

• Военный самолет «Владимир Маяковский» и его создатели. • Подводная лодка «Комсомолец» выходит на боевое задание.

Сын Верховины

Я ПОМНИЮ его тихим, застенчивым, в старенькой свитке и расплющенными постолах. Он пришел в наш партизанский отряд вместе с пастухами, чтобы взять оружие и бороться против фашистов,

— Я учитель из села Смолотыши, зовут меня Василий Васильевич Бурч, — сказал он. — Сейчас война, дети в школу не ходят.

— Нам очень нужен свой человек в селе, — ответил ему командир отряда Дюле Иванович Устя. — К тому же ты знаешь чешский и немецкий языки.

Так в числе наших разведчиков появился еще один — умный, осторожный, молодой и смелый. Командование отряда не раз обьявляло ему благодарности. И когда Бурч редко появлялся в штабе отряда, мы знали — он участвовал в самых рискованных операциях.

В октябре 1944 года наш отряд соединился с Советской Армией. Для Закарпатья это был самый счастливый день. Помни, в селах Крайиня Мартынка, Смолотыши, Черный Поток, Волоски, Ложотин были открыты первые народные школы. Учителями в них наши партизаны, и в том числе Василий Бурч.

Однажды разведчики пригласили меня в село Крайиня Мартынка на открытие народной школы. В тот день мы бродили по горам, любовались невиданными картинами природы.

— Наши Закарпатье некоторые европейские туристы называют Швейцарией, — заметил Василий. — Только и с этим не согласен. По-моему, краине и наше Верховине нет на снеге, хотя, по правде говоря, Швейцарии и никогда не видел.

А вечером мы сидели с ним в тесной крестьянской хате.

— В этих палатах я родился, вырос, — рассказывал Бурч. — Чудом окончил Мукачевскую училищную семинарию. И вот войны...

Он показал мне свои акварельные картины, нарисованные в северном альбоме. Потом Бурч играл на скрипке, увлеченно, страсти. За войну и тогда впервые услыхал голос поющей скрипки. И здесь Василий меня покорил.

ШЛЫ ГОДЫ. Изредка я получал письма от бывших партизан. Командир нашего партизанского отряда Дюле Иванович Устя стал генералом, первым заместителем министра обороны Венгерской Народной Республики. По-прежнему учитель стоял на Верховине Юрий Михайлович Глеба. Майором Советской Армии служил второй помощник отряда (два отряда были объединены в один) Иван Савицкий Принципа. О Бурче никаких вестей не доходило.

И вот недавно туристом я сплюхнул побыла в Закарпатье. Конечно, на встречу с боевыми товарищами я не надеялся: с памятного 1944 года прошло почти четверть века. В Ужгород я зашел в краеведческий музей, в областную картинную галерею. И здесь состоялась моя встреча с бывшим партизаном Василием Бурчом. Вернее, не с ним — с его парушинами. Из было много — и все по-своему Верховине, ее трудолюбивым людям.

— Вот бежит горный поток. Он же пропадает в каньоне...

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

На другой день я уехал в горы.

Побывал в тех самых селах, где когда-то размещалась наша партизанская отрасль. Прежнею Богом забытые захоронения исчезли с лица земли. На месте старых хижин стояли добродушные дома городского типа с водопроводом, газом. В центре села красовались школы — просторные, светлые.

Вернувшись в Ужгород, я решил зайдти в Ужгород, и решил зайдти в оболонь, чтобы поделиться впечатлениями об успехах народного образования в области.

В оболонь меня встретили, как дорогого гостя из Казахстана, горничная по профессии.

— Да вы зайдите к нашему заместителю, он будет рад такому гостю, — предложил мне.

За столом заступившего оболонь и увидев знакомое лицо. Им оказался Василий Васильевич Бурч.

Так состоялась третья встреча с бывшим мною человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч. — А по долгу вот уже мало грядущий лет учитель!

Вернувшись в свой Казахстан, я почувствовал необходимость рассказать людям о Бурче. Об учителе, художнике и музыканте. Ну и, конечно же, о бывшем партизане.

С. КАРНОВ.

Директор школы № 28, бывший начальник санитарной службы партизанского отряда Дюле Устя и Ивана Принципа, г. ДЖАМБУЛ.

В тот же день я узнал его адрес. Так состоялась моя вторая встреча с этим интересным человеком. Весь вечер вспоминали далекие годы, первые народные школы в горных селениях, первые акварельные картины художника.

Вот так страсть и враспашку превратилась в любовь, в любовь — в привычку. — Получите рассказы о том, как вспоминают о вас, — сказал Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

— А по долгу вот уже мало грядущий лет учитель!

Вернувшись в свой Казахстан, я почувствовал необходимость рассказать людям о Бурче. Об учителе, художнике и музыканте. Ну и, конечно же, о бывшем партизане.

С. КАРНОВ.

Директор школы № 28, бывший начальник санитарной службы партизанского отряда Дюле Устя и Ивана Принципа, г. ДЖАМБУЛ.

В тот же день я узнал его адрес. Так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

Изредка я пишу письма в газеты.

— Вот письма из Ужгорода, — сказал Бурч.

— Извините, — ответил он. — Картины все свободное время поглощают.

Вот так состоялась моя третья встреча с этим интересным человеком.

— Так же, как и по привычке, — от души смеялся Бурч.

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Мара ГРИЗАНЕ

СОЛДАТЫ

И ухарски заломлены плотни,
И щегольски затянуты обмотки,
еще — гитары в обозе — для
порядка.
Так русские уходят вовсю...
И армейской победы не бывать!

Конечно же, помнят солдаты
И заах родимой земли,
И руки избы или хата,
Что светятся долго вдаль,
И сад под укромной листью
С оврагом на темном краю —
Все самое в мире простое,
Что умирают в бою.

Этот парень из гранита
Защищал когда-то
Шаловский блокпассажи,
Грустный луч земля,
Чистоту своей любви,
Мать, что ждет усталы,—
До последней капли крови,
Что зевздою стела.

Русский воин обязан умереть
Ни себя, ни брата не жалеть;
В цепях света погиб один:
Боявой друга, своего.
В цепях света погиб один:
Голубую, большую страну,
Где невесты под вечер поют
И солдата веселого ждут.

Солдатская учеба такова:
Обыденная черная работа —
До измождения, до седого
пота...
Но у солдат особые права:
Союзники сбоя не докучают,
Считаться в коллективе
молодничай,
Бить настоящими, прямым
мужчиной
И за покой Отчизны отвечать.

ДЕБЕТЫ И
ДЕБЮАНТЫЗоя — Н. Акинова.
Фото В. Петровской.ОНИ
ЗАЩИЩАЛИ
РОДИНУ

Роль медицинской сестры Зоя в спектакле Театра имени М. Горького неизвестна современной молодежи. Но в стенах Академии, казалось бы, более чем скромна, по возможностям, которая рисует ее актерским для создания образа, характера. И все же, при талантливом исполнении эта не большая роль позволяет в чём-то очень важном раскрыть душевный мир девушек, вместе с боянами защищающей нашу землю в суровую годину армейского наставства.

Спектакль по главам из романа М. Шолохова [пиеса П. Деникин, постановка А. Зубова] был поставлен театром 50-летия Советской власти. В числе других актерских удач критика по спектакльности отмечала в роли медсестры В. Тальянину, Сергея в роли патриотического спектакля, остававшегося, словно в дни премьеры, молодым и волнующим, она встречавшаяся с совсем юной Евгенией, недавно впервые вышедшей на сцену в роли маленькой медсестры, Ниной Акиновой.

Год назад, после появления Татарского ученого имени М. С. Шапошникова, Н. Акинова привлекла в группу шоуменов Театра имени А. Ржевского, наставляемую Е. С. Сидоровой, в составе которой были и другие актеры, в том числе и сама Евгения. И вот теперь Евгения, обрашивая на себя внимание тем, как естественно вспыхнула она в сложном актерском ансамбле, с каким искусством танца, художественным языком ведет скрупулезную реалистическую игру.

Чувство гармонии, которым обладает молодая актриса, помогает ей создать подлинно сценический эмоциональный и светлый дух своих героинь, почти девочек, наивных и юношеских, которых она в тяжелом походе отступления помогает и одновременно на нее неизменно командует, вот она переворачивает бонца, в сцене призыва лукавит в плюсе под звуки губной гармоники.

А вот маленькая медсестра выдается вымести с поля под бомбами, но успевает помочь себе: бросает под руку, она делает неизвестные шаги и падает замертво. В ее немногих мимовложениях показывают гибель медсестры. Зоя Н. Акиновой кажется только едва приметно удивленной тем, что такое вот, что случилось всегда с другими, которым она помогала, произошло теперь и с ней. Еще теплится огонек юной души, и Зоя с недоумением видит кровь на пальцах, которых прошибло по всему телу. Да, и она, маленькая медсестра, защищала Родину и отдала за нее все, что у нее было... — мысль.

Глеб ГРАКОВ.

ЭТО СТРАНИЧКИ из биографий, которые есть не только у людей, но и у памятников. Два непримечательных рассказа о жизни, после смерти, были, похожи на легенду из тех, что не забываются, сколько бы лет ни отстояло время.

Двадцать восемьского июня 1941 года, на седьмой день войны, моторизованные части оккупантов вторглись в горящий Минск. В разных частях города бушевали сожженные, дымившие развалины на Советской — главной магистрали Белорусской столицы. В начальную улицы высился самое большое здание города, чудом уцелевшее после непрестанных бомбежек — Дом правительства. Его фасад, выходящий на площадь Ленина, вечно свирил огнем на бронзовом памятнике Ильичу.

Монумент, установленный здесь за несколько лет до войны, был отлит в Ленинграде по модели работы известного советского скульптора М. Манизера. Предложенный им вариант оказался лучшим на всесоюзном конкурсе проектов памятника Ленину для центральной площади белорусской столицы. С постамента-tribуни Ильича обращался к людям с пламенной речью, «как живой с живыми говоря». И начиная слушали взрослые, когда проходили по площади Ленина во время праздничных демонстраций, когда спешили мимо по будничным своим делам, когда приносили цветы к подножию «ленинского» памятника.

На следующий день памятник исчез. Прошел слух, что фашисты отправили его на переплавку. Жители одного из блокадных домов видели, как извоз гитлеровцев в серо-зеленных мундирах окружил памятник Ильича. Затрещали автоматные очереди. Пули отскакивали от металла, сбивая статую с постамента. Офицер увидел скульптуру и отдал солдатам короткий приказ: «Убить».

Несколько гитлеровцев бросились выполнять приказание.

Притянули лом, кирку и начали разбивать постамент. Но бетон не поддавался. Вечерело, и солдаты поняли, что эту работу им до темноты не закончить. Ахнутьально сложив инструменты, они направились к воротам, чтобы утром закончить начатое дело.

Все это видели из окна своего дома работники больницы Зинаида Николаевна и Петр Осипович. И еще одна страничка из биографии памятника связана с годами военного лихолита.

Этот памятник Ильичу был установлен в сквере на территории Эй клинической больницы неизвестного до войны. В последние дни июня 1941 года в больничном городе нагрянули фашисты. Офицер увидел скульптуру и отдал солдатам короткий приказ: «Убить».

Несколько гитлеровцев бросились выполнить приказание.

Притянули лом, кирку и начали разбивать постамент. Территория больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

Сына Леонида отыскали среди кустов в дальнем углу больничного сада им, которую садовники высадили еще до войны для посадки новых деревьев. Ночью все трое осторожно пробрались в сад.

За
Границей

МОНУМЕНТ СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ Об одной суповой битве ПРОБУЖДЕНИЕ СОВЕСТИ ОПОЗДАНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

Недавно в ГДР скончался Рудольф Петерсхаген, писатель, почетный гражданин города Грайфсвальда, почетный сенатор университета, бывший профессор кафедры. Он хорошо известен советским людям по его автобиографической книге «Совесть пробуждается» и одновременно телевизионному документальному фильму.

Судьба Р. Петерсхагена, писала газета «Нюбес Дойчланд», — яркий пример того, как под ударами Советской Армии, под влиянием неумолимого хода истории рушилось здание нацизма в самых своих основах — в среде людей, являвшихся некогда опорой фашистского нового порядка, в среде гитлеровского высшего офицерства. Полковник Петерсхаген, подобно генерал-фельдмаршалу Паулюсу, сделал первый разумный шаг перед лицом неминуемого разгрома, сдавшись на милость победителей, прошел затем многотрудный путь полного пересмысления своей жизни, настившего к будущему своего народа. Конечно, это требовало определенной широты взгляда, большого гражданского и личного мужества, что на то было способен далеко не каждый.

Миллионы советских людей, славившихся на головах окраинах за сложные перипетии судьбы полковника Петерсхагена, роль которого талантлив исколпят. Эрвин Гешоник, отдал должное мужеству этого человека, сумевшему перешагнуть через себя.

Сегодня, в День Победы, мы предоставляем слово советским офицерам, фактически участвовавшим в этих событиях: ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ П. СИНЕКОМУ, бывшему военному коменданту Грайфсвальда, и журналисту Илью ЛЕВИНУ, бывшему офицеру штаба 2-й ударной армии.

30 АПРЕЛЯ 1945 года полковник Петерсхаген, будучи военным комендантом Грайфсвальда, сдал город советским войскам без боя. Тем самым был спасен от огня войны один из старейших университетских городов Европы. Одновременно это был акт большого личного мужества. И дело не только в том, что полковник вермахта, кавалер высшего ордена — рыцарского креста, автоматически приговаривался фашистским трибуналом к расстрелу. Своим поступком Петерсхаген перечеркнул всю свою жизнь кадрового офицера, отказалась от прошлого в разум, связанные с ним вспышки, аристо-

ратическим обществом Германии. В своем решении он был не одинок.

Этот шаг решительно поддержал его жена Анжела, урожденная фон Линдекин, звучка кавалерийского фельдмаршала.

Именно тогда, за 10 дней до конца войны, состоялась наша первая встреча с Рудольфом Петерсхагеном. Впоследствии он говорил нам, что мы присутствовали при рождении нового человека. И это не были

вым произведением, велико перегороды об экранизации романа.

Во время недавней встречи Рудольф Петерсхаген делится с нами своим творческим планом. Главную задачу он видел в том, чтобы вооружить сегодняшнее поколение немцев в борьбе против межнациональной войны: в унитаристской единице, школах, школах, и прочих общественных зданиях. В начале 1945 года в городе было взято большое парохода, чем в давние времена.

Горюло было сознавать, что Грайфсвальд с его средневековыми домами-памятниками, с пугающим

университетом и христианскими церквями превратился в поле боя. Я вспомнил Баризу, Львов, Днепропетровск, Ростов, Сталинград. Неужели Грайфсвальд, чудесный сияющий которого прославился на весь мир благодаря его великому художнику Каспару Давиду Фридриху, постигнет также же страшную часть?

Этого не должно быть. Все во мне бунтовало. Но я тут же остановил себя: не мы ли превратили Европу в развалины, не мы ли долгих разногласий проблемы рецесса крови, заставили страдать целые народы? Принимая к послушанию и победам, мы разнесли к Москве и Сталинграду. А теперь война, точно буферами, обрушилась на нас самих. Эти разрушения вконце измучили меня. Разнее же, на моем пути, не любил свою родину так же, как мы свою? Мне было странно, что рассказчик проснулся во мне так поздно.

Я решил пойти наследор Гитлера и воин, который мог сделать это лишь в своей ограниченной сфере деятельности. Зато для жителей нашего города это могло иметь жизненно важное значение. Как осуществить свое решение? Честного ответа у меня еще не было.

Всем склонны мыслами и сомнениями прийти в соприкосновение с женой. Но когда я сказал ей, что собираюсь стать Грайфсвальдом без боя, она всхлипала. Отдернувшись от меня, задумчиво и серьезно посмотрела на портреты своих deads: генерала-фельдмаршала фон Линденкиста и генерала-полковника фон Кесселя. Я тоже взглянул на эти увещавшие ордеными представители прусского военного духа, и мы оба подумали, что спасение Грайфсвальда означает разрыв с традициями, которые были прокляты Германией. Для жены этот шаг был особенно тяжел, но она поняла, что онine неизбежен. А это было для меня очень важно...

Из воспоминаний полковника Петерсхагена.

Итак, я пришел к боя начальника гарнизона Грайфсвальда.

Время бежало быстро, и так же быстро откладывались наши войны. Но где его советский голос шатрил морей Германии, будто еще долго звучать, находя живой отклик в сердцах всех людей, кому дороги мир и свобода.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество нации.

Став писателем, Петерсхаген выпустил еще один роман — «Жизнь — игра в кости», в котором раскрыто пагубное влияние нацистской пропаганды на сознание молодых немцев. Последние годы он работал над большой эпопеей, посвященной судьбе женщины из высшего общества старой Германии. Повествование охватывает гравийные — сороковые годы. Кинематографисты ГДР заинтересовались по-

важнейшими темами, как называл ее свойственною печать предложила.

Сразу же я начал новую жизнь, да конца посвятил ее служению Германской Демократической Республике.

Он прошел супоросые испытания на верность неминуемому рабочему, христианскому государству. В 1951 году, оказавшись в Западной Германии, он стал жертвой провокации и был немедленно осужден на длительный срок тюремного заключения. Петерсхаген мог наблюдать этот участия. Он мог даже получить германскую погону бундесвера — стояло ему только отказаться от своих убеждений антифашиста. Но «красивый полковник», как называл его западная печать, предпочел торжество